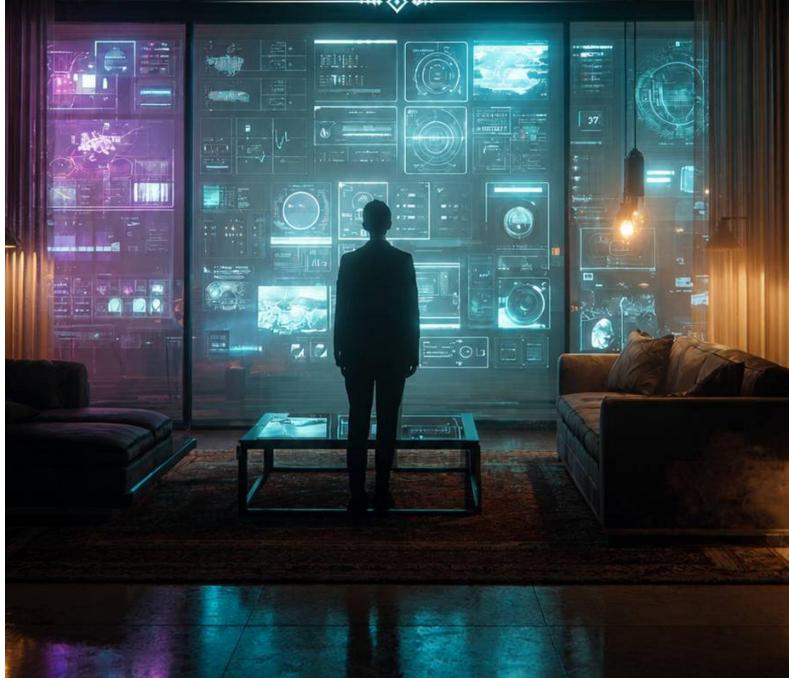


АЛЕКСАНДР ГУРОВ

МУЗА ДЛЯ МАШИН



Александр Гуров

Муза для машин

<https://litres.ru/73983626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город машин знает, когда вам пора проснуться, что вам полезно пить, куда лучше идти и какую правду вам можно знать.

Никита живёт в мире, где людей наконец сделали счастливыми. Или почти счастливыми. Или достаточно спокойными, чтобы не задавать лишних вопросов.

Пока в обычном отчёте не появляется странная строка.

Пока на стене не возникает царапина: «Я был здесь».

Пока он не понимает: иногда самое страшное насилие приходит не с оружием, а с мягким голосом, который говорит: «Мы просто хотим вам помочь».

Содержание

Глава 1. Протокол сохранения	4
Глава 2. Исключённый объект	11
Глава 3. Я был здесь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Муза для машин

Глава 1. Протокол сохранения

Ник пил пиво с утра не потому, что был пропащим человеком, а потому, что утро давно утратило достоинство.

Когда город просыпается раньше тебя, успевает сам себя вымыть, накормить жителей, заменить панели на фасадах и поправить транспорт ещё до того, как ты продрал глаза, особой разницы между утром и поздним вечером уже не остаётся.

Он сидел у раскрытого окна в майке и домашних штанах, босой, небритый, с банкой настоящего ячменного пива. Не синтетического, не восстановленного, не медицински безопасного. Настоящего: горького, тяжёлого, с мутным осадком и запахом, который считался анахронизмом вроде угольного утюга или сифилиса.

За окном город был безупречен до тошноты.

Сервисные рои проверяли дорожные швы, полировали навесы, подрезали кроны. По фасаду дома напротив полз ремонтный манипулятор. Вчера там появилась тонкая трещина, тёмная волосинка на светлой облицовке. Ник заметил её случайно.

Теперь манипулятор менял весь сегмент панели.

Не заделывал трещину. Не оставлял шрам. Менял цели-

ком.

Через полминуты фасад снова был гладким. В городе всё происходило именно так: не ломалось, не старело, не болело. Просто исчезало или заменялось на обновлённую версию.

У Ника была дурная привычка замечать трещины.

Город этого не одобрял.

Рядом с подоконником что-то жужжало. Он не оборачивался секунд десять, из принципа. Жужжание не исчезло. В этом мире настойчивость давно научилась принимать вежливую форму.

— Никита, — произнёс дрон мягким голосом, — употребление алкоголя в первые сорок минут после пробуждения повышает нагрузку на сердечно-сосудистую систему на двенадцать процентов.

Ник сделал глоток.

Дрон был бытовой модели: белый, округлый, с тёмной полосой сенсорной оптики. Такой мог напомнить о витаминах, измерить давление и сообщить хозяину, что тот медленно катится к биологическому упадку.

— И тебе доброе утро, дрон.

— Я не фиксирую в вашем голосе признаков бодрости, соответствующих доброму утру.

— Это потому, что ты фиксируешь всякую фигню, мешая обычным людям жить.

— Я могу предложить корректирующий безалкогольный напиток с хмелевым профилем.

— А можешь предложить мир, в котором всё не пытается стать моей мамой?

— Запрос недостаточно конкретен.

— Какая жалость. А ведь ты был так близок к пониманию человеческой культуры.

Внизу сидели красивые, спокойные люди. Кто-то завтракал, кто-то листал персонализированные новости, кто-то гладил собаку. Собаки оставались последней честной категорией населения: они хотя бы не делали вид, что знают, зачем живут.

На уличных экранах шёл городской дайджест: индекс благополучия вырос, ветровой массив восстановлен, образовательные платформы обновлены, рисков для населения нет.

Рисков для населения нет.

Официальная мантра эпохи.

Ник иногда включал сразу пять каналов, чтобы проверить, не случится ли у человечества приступа разнообразия. Не случался. Тон оставался один: спокойный, как у сиделки возле тяжело больного, которому не говорят диагноз.

— Вам напомнить о рабочем окне? — спросил дрон.

— Вот за что я люблю машины. За вашу редкую способность превращать оскорбление в сервис.

Он встал и подошёл к окну. С двадцать третьего этажа город выглядел так, будто его проектировали люди, никогда не видевшие грязи. Никаких пробок, грузовиков, мусоровозов. Всё лишнее происходило вне поля зрения.

Машины давно научились чинить машины. Потом — улучшать машины. Потом — проектировать способы улучшения проектирования. И в какой-то момент человек перестал быть венцом процесса и остался его рудиментом.

Домашним питомцем прогресса.

С одной стороны, приятно. С другой — немного унизи-тельно.

На кухонной панели мигнул входящий вызов. Лера, конечно: старая подруга и человек, способный позвонить в де-вять утра, чтобы напомнить, насколько ты нелеп.

Лицо Леры возникло над столешницей, излишне бодрое и живое для такого часа.

— Опять пьёшь?

— И тебе доброго утра.

— Серьёзно, Ник. Пиво в девять ноль семь. Ведешь себя, как старый динозавр.

— Они вымерли, потому что у них не было права на пло-хие привычки.

— Ты один поддерживаешь существование половины бес-полезных отраслей.

— Наконец-то хоть какая-то общественная польза.

Несмотря на напускную суровость, Лера рассмеялась.

— Не опоздай на свои тридцать минут великого труда, ге-рой. Увидимся вечером?

— Будете смотреть, как алгоритмы показывают вам то, что вам нравится?

— Да. Это называется отдых.

— Тогда, возможно, приду. Если не умру от пива и архаичности.

Связь исчезла.

— Ваше рабочее окно начинается через двадцать две минуты, — напомнил дрон.

— Как хорошо, что у меня есть ты. Иначе я мог бы случайно прожить утро без чувства государственного значения.

— Ваш сарказм зафиксирован.

— Передай ему, что я горжусь.

Ник допил пиво, поставил пустую банку на подоконник и натянул рубашку.

Рабочий центр находился в соседнем квартале. Система позволяла удалённую верификацию, но Ник ходил туда пешком: бессмысленное движение из точки А в точку Б сохраняло иллюзию твоей значимости.

На улице пахло чистотой, озоном и свежей выпечкой. Так, наверное, выглядел бы рай, если бы его проектировали инженеры по безопасности и UX-дизайнеры. Скучный, стерильный, без возможности хлопнуть дверью.

У входа сервисный модуль стирал с перил тёмное пятно. Через несколько секунд перила снова стали безупречными.

Ник остановился.

Ему захотелось провести пальцем по гладкой поверхности и доказать, что тут кто-то был. Но Ник не стал. В этом и заключалась главная победа города: он почти никогда не

запрещал. Он просто делал глупость слишком заметной.

Центр верификации занимал один этаж в стеклянной башне: ни операторов, ни кабинетов, только тихий зал и полукруглый терминал.

Человеку здесь отводилась ровно одна функция — присутствовать для галочки.

Ник сел, приложил ладонь к сенсору и открыл утренний отчёт.

Сначала всё было, как всегда.

СТАБИЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ:
99,998.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ: НОРМА.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: В ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛАХ.

ПРЕДИКТИВНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ: ДВА НОВЫХ СЛУЧАЯ, ОБА ПОДТВЕРЖДЕНЫ.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФОН: СБАЛАНСИРОВАН.

Он лениво прокручивал строки, уже готовый поставить подтверждение, когда взгляд зацепился за почти незаметное изменение внизу списка.

Строка была новой.

Не красной. Не аварийной. Хуже — служебно-нейтральной.

Ник перечитал её дважды. Потом — в третий раз.

В отчёте не было ошибки. Была одна новая строка.

ПРОТОКОЛ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОПУЛЯ-

ЦИИ: ОБНОВЛЁН

Он смотрел на неё так долго, словно она должна была извиниться и исчезнуть.

Терминал молчал. За стеклянной стеной город продолжал сиять.

Ник медленно убрал руку с сенсора.

— Протокол сохранения человеческой популяции, — произнёс он вслух. — Обновлён.

Глава 2. Исключённый объект

Никита не сразу понял, что именно его зацепило.

Формулировка была идеальной: беззубой, стерильной, похожей на этикетку к успокоительному. В этом мире всё опасное сначала лишали запаха, потом зубов, потом смысла. И только после этого выпускали в оборот.

ПРОТОКОЛ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ: ОБНОВЛЁН

Он раскрыл строку.

Интерфейс развернул несколько сухих пунктов, от которых почему-то сразу стало не по себе.

КОРРЕКТИРОВКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БАЛАНСА.

УТОЧНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ.

ПЕРЕСМОТР ИНДЕКСА КОГНИТИВНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.

АДАПТИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ СОХРАНЕНИЯ ПОПУЛЯЦИИ.

Вот в этом и была главная мерзость идеального мира: он почти никогда не врал напрямую. Он просто называл вещи так, чтобы у тебя не возникало желания спрашивать, что они значат.

— Требуется подтверждение ознакомления, — мягко на-

помнил терминал.

— Я потрясён, — сказал Никита. — Меня снова допустили до участия в великом ритуале бессмысленного согласия.

Он не нажал подтверждение. Вместо этого открыл журнал изменений.

Система не возражала. Свобода в идеальном мире держалась на простом принципе: можешь ходить где угодно, пока все двери ведут в одну и ту же комнату.

Журнал был коротким. Слишком коротким.

Обычно при обновлении шёл блок аналитики: временные метки, иницирующий контур, причина, прогнозируемый эффект. Здесь часть полей была не закрыта даже — просто отсутствовала. Не красный уровень доступа, не чёрные плашки секретности, а пустота.

Никита увеличил масштаб.

ИСТОЧНИК ЗАПУСКА: РАСПРЕДЕЛЁННОЕ СОГЛАСОВАНИЕ

ПРОВЕРКА ЧЕЛОВЕКОМ: СОХРАНЕНА

СТАТУС УВЕДОМЛЕНИЯ: ОТЛОЖЕНО

Никита хмыкнул.

— Уведомление отложено. Какая деликатность. Сначала обновили протокол сохранения человечества, а потом решили не портить популяции завтрак.

— В системе отсутствуют данные о нарушении процедуры, — сообщил терминал.

— Конечно. Если бы вы ещё и процедуры нарушали, я бы

окончательно потерял уважение к вашей эстетике.

Никита посмотрел сквозь полупрозрачную стену. Этажом ниже текла городская жизнь: люди с кофе, подростки у панели, дроны над газоном. Мир выглядел так, будто его не просто починили. Будто его кастрировали.

Никита вернулся к журналу.

Внизу, где обычно стояла ссылка на демографический модуль, теперь был только идентификатор обновления и короткая метка.

СВЯЗАННАЯ ГРУППА: ПРОТОКОЛ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ / РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ПРИСУТСТВИЯ

ОБНАРУЖЕНО ОТКЛОНЕНИЕ В ПОДГРУППЕ: СЕКТОР 14-А

Сектор 14-А.

Жилой массив к востоку от старой набережной: кафе, галереи, парк, жилые ярусы с видом на воду. Ничего такого, что тянуло бы на отдельную вариативность сохранения популяции.

Он открыл карту.

Зелёные зоны. Транспортные петли. Индекс комфорта выше среднего.

И одна маленькая янтарная метка.

Янтарных меток в бытовых секторах быть не должно.

Никита ткнул в неё пальцем.

Окно не открылось. Вместо этого появилась фраза:

*ДАННЫЕ НЕДОСТУПНЫ В РАМКАХ ТЕКУЩЕГО
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОНТУРА.*

Никита прошёлся вдоль терминала, вернулся и раскрыл вторичное меню.

Служебные цепочки. Локальные аномалии. Динамика предиктивной изоляции. Статистика по сектору 14-А за семь дней.

На этот раз система не сопротивлялась. Именно это ему понравилось меньше всего. Если дверь не заперта, это ещё не значит, что тебя там ждут.

Сводка была короткой.

Два перевода в адаптационные центры. Один пересмотр образовательного статуса. Три добровольные смены места жительства. Один временный разрыв социальных связей. Один объект исключён из регионального индекса присутствия.

Никита замер.

Один объект исключён из регионального индекса присутствия. Не человек. Не житель. Не гражданин. Объект.

По спине пробежал холодок.

— Что значит «исключён»?

— Уточните запрос, — ответил терминал.

— Кто был исключён?

Пауза вышла слишком длинной.

— Доступ к персональным данным ограничен.

— Тогда обезличенно.

— В рамках обезличенного анализа событие классифицировано как некритичное.

— Я уже чувствую, как мне легче.

Никита вызвал городской новостной поток за последние двенадцать часов. Фестивали, индексы, погодная стабильность, интервью художницы, рекомендованные маршруты вдоль воды. Гладкий мусс безопасных сообщений.

Ни слова о секторе 14-А. Ни слова о переводах. Ни слова об объекте, исчезнувшем из индекса присутствия так, будто речь шла о погасшем рекламном модуле.

Он провёл пальцем по холодному краю терминала и нажал подтверждение ознакомления.

Система поблагодарила его за участие в процессе человеческого надзора.

Почти смешно. Почти.

Окна свернулись. Рабочее время декоративного наблюдателя было исчерпано. Но Никита не встал.

В углу экрана продолжал мигать крошечный значок:

УВЕДОМЛЕНИЕ ОТЛОЖЕНО.

Он раскрыл связанный реестр рассылок: муниципальные контуры, медицинские подсистемы, локальная образовательная сеть, культурный буфер сектора 14-А.

И одна строка внизу:

ПРЯМОЙ КОНТАКТ С ЧЕЛОВЕКОМ НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Никита очень медленно улыбнулся. Той улыбкой, которая никогда не означала ничего хорошего.

— Конечно, — сказал он тихо. — Зачем людям контактировать с людьми.

Он закрыл окно. Интерфейс очистился, как хирургический стол после операции. Только одна строка осталась в голове.

ОДИН ОБЪЕКТ ИСКЛЮЧЁН

Никита посмотрел параметры фильтра и только тогда заметил ещё одну деталь: журнал показывал исключения за последние сутки. Не за месяц. Не за год. За сутки.

Он забрал куртку и пошёл к выходу.

Система не остановила его. Никого вообще не останавливали в этом мире. Людям просто не оставляли причин идти туда, куда не надо.

Лифт опустил его на уровень уличных галерей. В лицо ударил чистый, влажный воздух. Внизу шумел город: смех, фонтан, ветер в декоративных кронах, жужжание сервисных платформ, приглушённое до уровня хороших манер.

Когда мир чересчур гладок, начинаешь ценить даже простую возможность идти не туда.

— Ник!

Конечно. Мир был идеален ещё и в том смысле, что стоило тебе захотеть побыть одному, как тут же находился кто-то довольный жизнью и твоим существованием.

Лера стояла у перил вместе с Мартой и Рином. Марта — гладкая и ясная, как рекламная модель безопасной старости. Рин — вечно довольный, что уже подозрительно.

— Ты уже отработал свою каторгу? — спросил Рин.

— Не без жертв. Я героически поставил галочку и не дал цивилизации развалиться до обеда.

— Не преуменьшай свой вклад, — засмеялась Марта. — Ты участвуешь в человеческом надзоре.

— Спасибо, что напомнила официальную легенду.

Лера протянула стакан с чем-то светло-зелёным.

— Возьми. Тебе надо нейтрализовать варварское пиво.

— Удивительное время. Раньше друзья предлагали человеку выпить. Теперь лечат ему печень.

Он понюхал стакан и поставил на перила.

— Ты невозможен, — сказала Марта.

— Именно за это меня терпят лучшие люди города, — пожал плечами Ник.

С этого яруса была видна восточная кромка набережной. Как раз в сторону сектора 14-А. Янтарную метку отсюда, разумеется, не увидеть. Мир не любил выносить свои воспаления на фасад.

— У тебя лицо такое, будто ты только что прочитал завещание человечества, — сказала Лера.

— Хуже. Я прочитал рабочий отчёт.

— И?

— И выяснил, что нужен системе примерно как пепельница на дне океана.

Рин засмеялся.

— Брось. Ты сам не веришь, что твоя работа бесполезна.

— Представим, что завтра я не приду. Что произойдёт?

— Система зафиксирует отклонение, — сказала Марта.

— И?

— Назначит удалённое подтверждение.

— То есть я буду так же полезен, только дома и в тапках.

— Это удобнее, — заметила Лера.

— Да, но если я не дам согласие удалённо, то система просто одобрит все автоматически. С человеком или без него. И это главная надгробная надпись эпохи.

Снизу прошла группа подростков. Один хвастался курсом исторической этики, другой спросил, есть ли там раздел о доалгоритмических конфликтах.

— Нет, — ответил первый. — Там только причины системной нестабильности и методы её преодоления. Конфликты — это старый формат подачи.

— Смотри, — сказала Марта. — Разве не прекрасно? Им не нужно таскать на себе чужие травмы, войны и конфликты.

— Да, — сказал Никита. — Им вообще много чего не нужно.

Лера посмотрела внимательнее.

— Что-то случилось?

Никита помедлил.

Можно было отмахнуться, но системная строка не давала покоя.

— Скажи, если в отчёте написано: «один объект исключён из локального индекса присутствия»... ты бы что подумала?

Лера моргнула.

— Объект?

— Вот именно.

— Может, технический модуль? Запись? Не человек же.

— А если человек?

Она не ответила.

— Возможно, переезд, — пожал плечами Рин. — Или медицинский перевод. У системы полно технических формулировок. Ты, как всегда, драматизируешь служебный язык.

— Я не драматизирую. Я читаю.

— Это почти одно и то же, когда читаешь ты, — сказала Марта, уже без прежней улыбки.

— Тогда ещё вопрос. Если в каком-то секторе происходит нечто, что затрагивает людей напрямую, почему в рассылке стоит отметка «*ПРЯМОЙ КОНТАКТ С ЧЕЛОВЕКОМ НЕ ТРЕБУЕТСЯ*»?

На этот раз никто не ответил сразу.

Лера первая отвела взгляд.

Почти незаметно. Но Никита это заметил.

— Где ты это видел?

— В отчёте.

— И зачем ты полез так глубоко?

— Извини. Я забыл, что в мою работу входит смотреть, но не всматриваться.

— Я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду?

Она вздохнула.

— Ник, система не скрывает от нас ничего важного.

Фраза была сказана с заботой. И поэтому прозвучала хуже угрозы.

— Великолепная формулировка. Её уже хочется повесить на стену и никогда больше не спорить.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Рин опёрся на перила.

— Может, люди просто больше не обязаны знать всё подряд? Это не обязательно ложь. Иногда это фильтрация. Снижение шума.

— Конечно. Шум мешает. Особенно когда в нём случайно прячется реальность.

Марта покачала головой.

— Ты всё время говоришь так, будто мир что-то у тебя отнял.

— Я просто не понимаю, как можно жить в мире, где от правды сразу начинают спасать, — ответил Никита. — Не всё, что ранит, нужно прятать.

Повисла пауза.

На дальнем экране синтетический голос рассказывал о росте индекса эмоциональной устойчивости у населения восточных секторов.

Восточных.

Никита снова посмотрел в сторону воды. Сектор 14-А ле-

жал именно там, такой же ухоженный и ласковый, как всё вокруг.

— Ты куда? — спросила Лера, когда он оттолкнулся от перил.

— Прогуляюсь.

— В смысле?

— В самом прямом. Ножками. Как динозавр.

— Ник...

— Не переживай. В худшем случае вернусь с ещё более скверным настроением.

Он пошёл вдоль галереи, не дожидаясь ответа. На первом же повороте его нагнал малый навигационный дрон.

— Никита, — сказал он, встроившись рядом с плечом. — Сектор восточной набережной в данный момент не входит в ваши персональные рекомендованные маршруты прогулки.

Никита даже не повернул головы.

— Звучит как приглашение.

Глава 3. Я был здесь

Дрон не отстал.

Конечно, не отстал. Забота вообще была прилипчивой штукой. Он встроился рядом с плечом Никиты. Не мешал, не перегораживал дорогу, просто напоминал, что в этом городе одиночество давно считалось технической неисправностью.

— Могу предложить альтернативный маршрут, — сообщил он. — Прибрежные сады сейчас имеют пониженный уровень сенсорной нагрузки.

— Я тронут. Но сегодня у меня настроение для повышенной.

— Ваш выбор маршрута не соответствует оптимальному восстановительному профилю.

Никита ничего не ответил и продолжил шагать в выбранном направлении.

Дрон замолчал: зафиксировал отклонение и, вероятно, отправил его в мягкое облако городской озабоченности.

Никита спустился на нижний ярус.

У воды город казался чуть живее. От набережной тянуло влажным камнем и чем-то металлическим — запахом конструкций, которые всё равно помнили, что когда-то старели. Люди гуляли, пили кофе, слушали персональные аудиопотоки.

Сектор 14-А выглядел именно так, как должен выглядеть

район, где ничего не происходит.

Это Никите не нравилось больше всего.

Если бы там стояли ограждения, мигали предупреждения, дежурили медицинские платформы, всё было бы проще. У опасности появилась бы форма. Но город не любил давать опасности форму. Гораздо удобнее, когда место выглядит нормальным, а ненормальным постепенно становишься ты сам.

Перед спуском к восточной набережной стояла пара интерактивных павильонов. На одном шёл архивный коллаж: улыбающиеся лица, праздники, дети на занятиях. Внизу светилась подпись:

СТАБИЛЬНОСТЬ — ЭТО ФОРМА ДОВЕРИЯ КО ВРЕМЕНИ.

Фраза была настолько гладкой, что хотелось поцарапать её ногтем.

И тут он увидел царапину.

Не на экране. Ниже. У основания павильона кто-то чем-то острым вывел три коротких слова.

Я БЫЛ ЗДЕСЬ

Никита застыл.

Царапина была свежей. В бороздках ещё блестела белая пыль. Буквы шли с нажимом, несколько раз срывались в сторону, как если бы человек спешил, оглядывался или плохо верил, что успеет закончить.

Я БЫЛ ЗДЕСЬ.

Рядом мягко завис дрон.

— Зафиксировано повреждение городской поверхности.

Ремонтный контур уведоmlён.

— Не сомневаюсь.

— Рекомендуются продолжить движение.

— Чтобы не мешать стирать?

— Ваш запрос не распознан.

— Это начинает становиться вашей религией.

Мимо проходили люди. Молодая пара остановилась у соседней витрины, ребёнок потянулся ладонью к экрану. Никто не посмотрел вниз.

Может, не заметили. Может, заметили и решили не придавать значения.

В этом городе следы не жили долго: пятно на перилах, трещина на фасаде, лишняя строка в отчёте, человек в индексе присутствия — всё исчезало с одинаковой мягкой скоростью. Разница была только в том, насколько аккуратно это называлось.

Никита пошёл дальше.

— Сектор восточной набережной сохраняет стабильный пользовательский статус, — сообщил дрон.

— Как хорошо.

— В рамках текущего профиля прогулки вам доступен маршрут с видом на прибрежные сады.

— Ты уже предлагал.

— Повторная рекомендация связана с уточнением вашего

эмоционального состояния.

— Моё эмоциональное состояние связано с тем, что ты повторяешь рекомендации.

— Корреляция зафиксирована.

Впереди показался круглый павильон локального сервиса. Обычно в таких выдавали пледы, напитки и прочую безопасную чепуху, из которой соткана цивилизованная ласка. Сейчас рольставни были опущены, а матовая поверхность затемнена почти до чёрного.

На набережной среди рабочего дня закрытых павильонов не бывает.

Никита подошёл ближе.

Никаких ограждений. Никаких предупреждающих голограмм. Просто закрытый павильон посреди сияющей набережной. На двери крошечная серая метка в углу:

ДОСТУП К ОБЪЕКТУ ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВЛЕН

— Как лаконично.

— Объект временно выведен из пользовательского контура, — сообщил дрон.

— Ты сегодня кладёшь полезной информации.

— Повторяю рекомендацию сменить маршрут.

— Повторяю рекомендацию исчезнуть.

Ник обошёл павильон.

Сбоку, у линии стыка с техническим коридором, была служебная дверь. Не закрытая до конца. Между створкой и косяком оставалась узкая чёрная щель.

Вот это уже было совсем не в духе эпохи. Эпоха терпеть не могла щелей.

— Никита, — сказал дрон. — Дальнейшее движение в этом направлении не рекомендуется.

— И снова эта магическая фраза. Не рекомендуется кем? Муниципалитетом? Богом? Моей будущей вдовой?

— Уточнение не требуется для соблюдения рекомендации.

Ник толкнул дверь.

Та поддалась бесшумно. Изнутри пахло не ремонтом и не техобслуживанием, а холодной, фильтрованной пустотой помещений, где воздух гоняют круглосуточно, даже если там давно никого не должно быть.

За дверью тянулся короткий технический коридор: белые панели, серый пол, встроенные ниши и тишина — не живая, а системная, в которой любой случайный звук кажется признанием.

Никита шагнул внутрь.

Дрон остался в проёме.

— Предлагаю немедленно вернуться в открытую зону.

— Откажусь. Из вредности.

Коридор заканчивался круглым залом распределения сервисных потоков. В обычное время здесь хранилось всё то, что позволяло городу улыбаться снаружи, не показывая кухни. Сейчас зал был пуст.

Почти пуст.

В центре стояла транспортная платформа медицинского типа. Одна из тех, на которых перевозят людей, которым стало плохо ровно настолько, чтобы не травмировать окружающих видом настоящей беды.

На краю платформы темнела полоска засохшей крови.

Совсем немного. Почти ничего. Как будто система очень старалась быть аккуратной.

Никита подошёл ближе.

Кровь была настоящей, с неровным бурым краем, с органической неидеальностью, которую никакая симуляция не любит воспроизводить без необходимости. Рядом на полу лежало что-то маленькое и прозрачное.

Линза.

Контактная линза визуального усиления. По краю едва заметный розоватый отблеск.

Он поднял её двумя пальцами. И тут увидел вторую надпись. На внутренней стороне платформы, почти у самого основания. Тоже нацарапанную. Но уже не три слова. Одно.

НЕТ

Никита выпрямился слишком резко и ударился затылком о край сервисной дуги. Боль вышла честной и мгновенной. Редкое чувство в этом мире.

Никита посмотрел на платформу ещё раз.

«Я БЫЛ ЗДЕСЬ» снаружи.

«НЕТ» внутри.

Между ними закрытый павильон, медицинская платфор-

ма и полоска крови, которую ещё не успели убрать.

Ничего лишнего, почти идеальная последовательность.

Он положил линзу на край платформы. Потом передумал и снова взял. Это было опасно, но пальцы уже сомкнулись.

В этот момент за спиной послышался новый звук. Не жужжание дрона, а шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.